

Спешить с выводами было неверно. Сюй Фусы решил, что ему всё же следует проверить свои подозрения — ведь всякое предположение без доказательств есть не что иное, как самонадеянность.

Лучше бы не оказалось.

Сюй Фусы вздохнул.

Ему не хотелось без нужды губить чьи-то чувства. Но пусть уж кто угодно питает к нему симпатию, только не его собственный ученик.

Покинув Академию Циншань, Е Цзысинь сжал губы, досадуя на свою порывистость.

«Учитель столь проницателен — наверняка что-то заподозрил».

Он хорошо знал своего наставника. Малейшая несообразность не ускользала от его внимания, а сегодняшний вопрос о весёлом доме и вовсе перешёл все границы.

Прежде он никогда не задавал учителю вопросов, способных насторожить того. Учитель велит уйти — он уходил, велит остаться — оставался. Порой он даже сам, сохраняя дистанцию, предлагал удалиться.

Потому-то учитель и не подозревал о его чувствах.

Но теперь Е Цзысинь был не столь уверен.

Вернувшись в дом Е, он обнаружил, что слуги стали куда приветливее, а старейшины семьи, прежде взиравшие на него свысока, теперь обходились с ним мягко.

Е Цзысинь внутренне усмехнулся, но сделал вид, будто не ведает причины их перемен.

Семья Е ставила выгоду превыше всего. Им было важно лишь процветание рода, а кто его обеспечивает — не имело значения.

Они могли возвысить Е Вэня, могли возвысить и его. И даже после поражения Е Вэня от Ли Сяо на форуме Е Цзысинь не думал, что они от него откажутся.

Ведь приближался столичный экзамен. Отказаться от Е Вэня сейчас, а после увидеть его триумф — себе дороже. С ним самим было то же.

Е Цзысиню было всё равно. Он ни в грош не ставил Е Вэня. Оставлял же того в живых лишь затем, чтобы привлечь каплю учительского внимания.

Потому, когда старейшины стали выспрашивать о его успехах в Академии Циншань, он лишь спокойно ответил, что находится в хвосте списка и ничему путному не научился.

Старейшины удалились разочарованными. Е Вэнь же, узнав об этом, возликовал.

«Ли Сяо и вправду меня одурачил! Какой же мерзавец!»

Да и учитель из Академии Циншань, защищая своего ученика, врал без зазрения совести. Видно, вся та академия — скопище негодяев.

Он усмехнулся. «Всяк сверчок знай свой шесток. На столичном экзамене посмотрим».

И Хэ Ваньвань! Столько сил положил, чтобы её сердце пленить, а она, стоило ему единожды проиграть, заявляет, чтобы он более не приходил.

Вот сдаст он экзамен — заставит эту стерву на коленях милости вымалывать! И старого хрыча Хэ Чэна тоже! Кто ныне его унижает — завтра вдвойне заплатит!

В ту ночь Сюй Фусы размышлял, как проверить Е Цзысиня, Е Цзысинь — как развеять учительские подозрения, Е Вэнь — грезил о прекрасной жизни после триумфа на экзамене, Ли Сяо — видел сладкие сны о женитьбе, а в столице Се Лин хладнокровно казнил ещё одну партию чиновников.

Каменные ступени перед дворцом Яньмин покрылись багровым слоем крови. Слуги и служанки спешно окатывали их водой, но смрад крови не рассеивался. Вода, смывая кровавые ошметки, стекала в сад. Стражи Императорской гвардии, охранявшие дворец, давно привыкли к подобным зрелищам и стояли недвижно.

Лу И стремительно прошёл мимо, на мгновение задержавшись, чтобы снять поясной меч, и вошёл в Яньмин.

— Ваше величество...

Он опустился на колени.

Над ним молодой государь просматривал доклады трону. Лицо императора-юноши было прекрасно, черты — утончённы до чрезвычайности. Но дарованное небом лицо ныне было искажено мрачной жестокостью.

Се Лин молчал.

Лу И, как обычно, доложил:

— По вашему велению я собрал всю сеть шпионов по всей династии Янь, но следов господина Су не обнаружено.

Се Лин закончил с одним докладом и взял следующий.

Лу И, глядя на государя, вздохнул.

Он не ведал, почему его величество уверен, что господин Су жив, но...

— Ваше величество, если вы продолжите в таком духе, господин Су, если бы ведал, сердцем истомился бы.

Когда господин Су был рядом, он лелеял ваше величество на все лады. Увидь он вас ныне — не измерить, сколь горько ему было бы.

Се Лин криво усмехнулся, голос его был хрипл. — Ты полагаешь, он бы обо мне томился?

Он сам продолжил, словно рассуждая вслух:

— Будь его тома искренни, он бы не покинул меня. Шёл бы на уступки, даже если б я потребовал быть с ним вместе.

Но он отринул меня начисто, без тени сомнения. Разве такой человек способен томиться или

скорбеть?

— Он лишь разыгрывал представление. Жаль, все вы в него поверили.

Лу И промолчал.

Он знал, что кончина господина Су сокрушила государя, и тот отказывался верить в неё, всё ещё ища доказательства, что Су жив.

Прошло уже почти три года. Шпионы не нашли ничего. Быть может, со временем его величество очнётся и оставит сие бесплодное занятие.

Он ждал привычного повеления «продолжай искать», но Се Лин молвил: «Не нужно».

Лу И поднял взгляд. Нефритовые подвески на императорской миэнгуане слегка колыхались. Его величество, подперев подбородок, улыбался. Лу И не видел той улыбки — светлой, почти детской, — уже много лет.

— Коль выходить не желает, придётся вынудить.

— Два года назад я думал: вернётся — не стану гневаться. Всё, чего пожелает, исполню. Даже должную дистанцию соблюду, не стану докучать. Лишь бы вернулся.

Речь его была неспешной.

— Год назад думал: вернётся — погневлюсь немного, а потом пригляжу, чтобы более не сбежал.

— Лу И, — внезапно позвал он его. — Угадай, о чём ныне мыслю?

Спина Лу И постепенно покрылась испариной. Под взглядом государя, чьи глаза сверкали, как серп луны, тело его слегка задрожало.

— Сподвижник... не ведает, — с трудом вымолвил он.

Се Лин поднёс палец к губам. — Ныне мыслю...

— Когда сыщется, отрублю ему ноги. Отрублю руки. Тело же цепями к ложу моему прикую. Чтобы никого не видел. Чтобы никуда не ушёл. Чтобы очи — лишь на меня взирали. Чтобы уста — лишь имя моё вещали.

— Так, будь у него хоть волшебные способности, бежать не сможет.

Сии слова показались Лу И ужасающими, тем паче что изрекал их государь, коего он взрастил. Лу И сглотнул, пот выступил на лбу.

Если его величество вправду так мыслит, то он от всей души желает, чтобы господин Су был мёртв. Участь сия горше смерти.

— Ступай.

Улыбка сошла с лица императора-юноши, черты вновь застыли в бесстрастии. — Распусти весть, что я недужен.

— Пусть хоть каплю жалости во мне сохранил.

— Иначе...

Се Лин опустил ресницы. — Не ведаю, что учиню.

Лу И склонился в поклоне и удалился.

Далеко в Наньцзяне обманщик, что чужие чувства поправил, чихнул.

Он потер нос, переоделся и отправился вести урок.

В классе Е Цзысинь вёл себя как обычно, ничем не выдавая себя. Зато Ли Сяо был возбуждён: то в задумчивость впадёт, то покраснеет, то что-то украдкой начертит.

Однако сие волнение вскоре было подавлено безжалостной физической тренировкой от Сюй Фусы. Ли Сяо, делая отжимания, чуть не заплакал. — Учитель, можно иначе? Я и в строю полчаса простою, только не заставляйте отжиматься!

Сюй Фусы, перелистывая свиток, даже не взглянул на него. — Когда женишься — спасибо скажешь.

Ли Сяо, не ведая, что учитель лишь что проехался на намёке: «???»

Какое отношение отжимания имеют к женитьбе?

Когда Ли Сяо покончил с отжиманиями, Сюй Фусы позволил ему вернуться в класс. В это время ученики сдавали экзамен. Ли Сяо, усевшись, взял кисть — рука дрожала. Он украдкой ткнул в спину сидевшего впереди Е Цзысиня и, пока Сюй Фусы читал, швырнул тому записку.

«Какие вопросы на экзамене?»

От отжиманий голова пошла кругом, всё позабыл.

Е Цзысинь написал тему и швырнул записку обратно.

<http://bllate.org/book/15951/1426195>